

венгров где-то когда-то соприкасались с монголоидной расой.

Остальные четыре пленарных доклада: Янош Кодоланьи (Будапешт) «Von der Beutekultur bis zum Ackerbau», Анна Леена Сиикала (Эспоо) «Transformations of Oral Epic. The Age and Character of

Kalevala Poetry», Петер Домокош (Будапешт) «Uralistische Studien 1960—1990» (финно-угорские литературные исследования) и А. Х. Халиков (Казань) «Развитие археологического знания в области уралолистики и финно-угроведения за 1960—1990 гг.»

ВЯЙНО КЛАУС (Таллинн)

<https://doi.org/10.3176/lu.1991.2.15>

О симпозиумах

Идея провести в рамках VII Международного конгресса финно-угроведов симпозиум «Прибалтийско-финские языковые контакты» родилась в рабочей группе, которая занимается подготовкой «Прибалтийско-финского лингвистического атласа»: при картографировании языковых явлений члены группы постоянно сталкиваются с проблемами взаимовлияний языков. Организаторам симпозиума под энергичным руководством Хейкки Лескинена удалось за сравнительно короткий срок осуществить издание докладов и комментариев к ним в Хельсинки — при Государственном научно-исследовательском центре языков Финляндии: «Itämerensuomalaiset kielikontaktit. Läänemeresoome keelekontaktid» (Helsinki 1990 (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 61)). Образцово и со вкусом оформленная книга несет на себе, к сожалению, печать спешки: при передаче текстов в них закралось много ошибок, однако большую их часть читатель без труда, очевидно, может сам исправить.

Симпозиум по прибалтийско-финским языковым контактам привлек чрезвычайное большое внимание. Следует все же отметить, что обсуждение докладов на самом симпозиуме не было столь оживленным, как надеялись, наверно, его организаторы.

Всего на симпозиуме прозвучало 11 докладов. Проблемы языковых контактов, касающихся всех прибалтийско-финских языков, рассматривались в четырех из них (С. Сухонен, Т. Туоми, Л. Ваба, Т.-Р. Вийтсо). Остальные затрагивали определенную часть языковой семьи (П. Алвре, В. Койвисто, Х. Лескинен) или какой-либо один прибалтийско-финский язык, в первую очередь ливский или вепс-

ский (Э. Копонен, Т. Лехтинен, И. Муллонен, Э. Вязри). Естественно, что в рамках данной темы неоднократно обсуждались конвергентные возможности развития ряда языковых явлений.

Сеппо Сухонен (Хельсинки) в своем докладе «О чужом влиянии на структуру прибалтийско-финских языков» кратко охарактеризовал несколько разновозрастных заимствованных явлений в прибалтийско-финских языках. Докладчик коснулся при этом всех уровней языка, начиная с прибалтийско-финского словарного запаса и кончая возможными звукоизменениями, произошедшими в разное время под чужим влиянием. Туоми Туоми (Хельсинки) в докладе «О конвергенции и генетической идентичности показателей множественного числа прибалтийско-финских языков» рассмотрел формы множественного числа сильной ступени с *i*, *si* ~ *se*, а также формы множественного числа на *loi/löi*. Т. Туоми отметил, что последние по всему ареалу своего распространения гомогенны, представляя собой старое карельское наследие, зародившееся в Приладожье. Результатом параллельного развития стали формы множественного числа с *si* и сильной ступени с *i* в финских и эстонских диалектах. Доклад Лембита Ваба (Таллинн) «Сепаратные балтизмы прибалтийско-финских языков» был посвящен распространению балтизмов, причем основное внимание уделялось балтизмам южной группы. Докладчик показал, что данные о распространении, на основании которых предварительно по возможности «ретушированы» более поздние передвижения балтизмов внутри языковой семьи, можно, вероятно, использовать при выяснении прибалтийско-финско-балтских контактных зон. Доклад Тийта-Рейна Вийтсо (Тарту—Хельсинки) имел за-

главие «О древнейших прибалтийско-финских и балто-славянских отношениях». Рассматривая прибалтийско-финско-балтские контакты, докладчик подчеркнул, что несмотря на давнюю традицию исследования их, еще много неясного в отношении характера, времени и места этих контактов. Те же проблемы связаны и с прибалтийско-финско-раннеславянскими контактами, которые послé работ И. И. Миккола (1894) и Э. Н. Сетяля (1929) исследователи вообще не считали возможными. Прибалтийско-финско-балтские контакты, по Т.-Р. Вейтсо, начались на Верхней Волге, когда прибалтийско-финские племена и мордва в языковом отношении уже отделились друг от друга. Одним из вопросов, которые докладчик рассмотрел подробнее, стал параллелизм встречающегося в ряде балтских заимствований *ei ~ ai*. Этот вопрос занимал многих исследователей прибалтийско-финско-балтских контактов; соответствующие мнения можно сгруппировать следующим образом: 1) причина в источнике заимствования — в балтских диалектных различиях; 2) причина в языке-заимствователе; 3) причина как в источнике, так и в получателе заимствования. Т.-Р. Вейтсо настаивает на возможности объяснить чередование *ei ~ ai* параллельным заимствованием разными частями прибалтийско-финского, в которых звуковая адаптация различалась. Интересной оказалась предлагаемая Т.-Р. Вейтсо западнославянская этимология слов *haug, tarn* и *upsakas*. Следует заметить, что Т.-Р. Вейтсо поднял вопросы, к которым в дальнейшей исследовательской работе так или иначе придется вновь обращаться.

Пауль Алвре в своем докладе «Общие черты склонения в эстонско-водско-ижорско-финском языковом ареале» подробнее остановился на таких распространенных в названном ареале общих чертах склонения, как иллатив на *s*, эссив на *nna/nnä*, комитатив на *na/nä*, терминатив на *sä*, эксцессив на *nta/ntä*, более поверхностно коснулся он форм сильной ступени множественного числа на *i*, а также множественного числа на *loi/löi* и на *a*. Докладчик отметил, что рассмотренные общие черты большей частью имеют позднее происхождение, они представляют собой частично результат параллельного развития, частично — внутриареальные взаимные заимствования; среди назван-

ных общих черт только комитатив на *-na/-nä* нельзя считать чертой позднего происхождения.

Весла Койвисто (Хельсинки) в своем докладе «О русском влиянии на восточные прибалтийско-финские возвратные глаголы» сосредоточил внимание на вопросе о том, каким образом русский язык повлиял на систему прибалтийско-финских возвратных глаголов и ее развитие. По ее мнению, прибалтийско-финское возвратное спряжение представляет собой давнее по происхождению, исконное явление, и потому без определенных допущений его нельзя считать результатом русского влияния. Полное отрицание русского влияния все же не убедительно, поскольку в настоящее время распространение данного явления ограничивается восточными прибалтийско-финскими языками, где очень интенсивным было влияние уже древнерусского языка. В западных прибалтийско-финских языках возвратное спряжение отмерло, в восточных же влияние русского языка способствовало его сохранению и развитию в определенном направлении.

Доклад Хейкки Лескинена (Ювяскюля) «О положении вепского, карельского и ижорского языков в свете трех фонетических явлений» анализирует возникновение апокопы и синкопы в вепском языке, чередования степеней смычных в карельском языке, палатализации дентальных смычных в ижорском языке и возможную роль русского языка в развитии названных явлений.

Ливскому языку было посвящено два доклада. Эйно Копонен (Хельсинки) в докладе «Обзор общей лексики эстонского и ливского языков» на базе «*Livisches Wörterbuch*» Л. Кеттунена рассмотрел распространение общих для эстонского и ливского основ в прибалтийско-финских языках; таких основ насчитывается около 1600; исключив из этого перечня поздние верхне- и нижненемецкие, латышские, русские, шведские и эстонские заимствования, оставшиеся докладчик разделил на примерно 1200 общеприбалтийско-финских основ (примерно 700—900 основ, распространение: ливский, южно- и северозэстонский, финский, карельский, вепский) и на так сказать западноприбалтийско-финские основы (примерно 150, распространение: ливский, южно- и северозэстонский, фин-

ский) и южноприбалтийско-финские основы (примерно 130, распространение: ливский, эстонский). Затем докладчик проследил распространение эстонско-ливской общей лексики в ареале эстонского языка, выделив три лексические группы: ливский — южно- и северозэстонский, ливский — северозэстонский, ливский — южноэстонский. Среди представленных результатов интересно выделить тот факт, что общих ливско-южноэстонских основ обнаружено в 4 раза меньше, чем общих ливско-северозэстонских основ (соответственно около 20 и около 70 основ). Делая такие выводы, нельзя забывать, что не учтена лексика диалекта Салатси ливского языка, как подчеркнул это и сам докладчик.

Эдуард Вяэри (Тарту) представил подробный обзор исследования отношений ливского и латышского языков за два последние десятилетия, т. е. за 1970—1990 гг., но в связи с отдельными исследованиями он проделал экскурсы и в более отдаленное прошлое. Между прочим Э. Вяэри высказал мнение, что латышские исследователи не проявили достаточного усердия и кропотливости в отношении исследования ливского языка и не опубликовали пока ни одной значительной работы по этой тематике.

Три доклада касались вепского языка. Доклад Айме Кяхрик «Местоимения в системе склонения вепского языка», в котором дано синхронное описание склонения южновепских местоимений, зачитан не был (текст доклада опубликован в сборнике симпозиума), однако был прокомментирован Ярмо Эломаа (Хельсинки). Я. Эломаа, кроме доклада, обратился также к изданной в 1988 г. работе А. Кяхрик «Lõunavepsa deklinatsioonisüsteemi põhijooned», отметив между про-

чим, что А. Кяхрик для анализа и описания словоизменительной системы вепского языка создала интересную морфологическую модель, которая имеет точки соприкосновения с принципами классификаторной морфологии, модифицированными Ю. Вике для эстонского языка.

В докладе Тапани Лехтинена (Хельсинки) «Об отражении русской категории вида в глагольной системе вепского языка» рассматривалось употребление вепских моментанов и фреквентативов для передачи некоторых значений русского соответственно совершенного и несовершенного вида. Т. Лехтинен нашел, что активнее заимствовались те видовые значения, которые более органично сливаются с семантикой прибалтийско-финских моментанов (прежде всего аттенуативность) и фреквентативов (габитуальность, конативность).

Ирма Муллонен (Петрозаводск) изложила историю расселения вепсов, опираясь главным образом на данные топонимии («Что говорят местные названия о поселении вепсов в районе Онежского, Ладожского и Белого озер»). Вепсы не являются коренными жителями Межозерья. Например, результатами своего предварительного исследования докладчик подтвердила мнение о том, что на юго-западное побережье Онеги вепсы пришли из бассейна р. Сювари относительно поздно — в XIV веке, уходя с дороги русских. Основным аргументом для докладчика послужила картина распространения названий деревень на *-l(a)*: по В. Ниссиля, они встречаются на исконных прибалтийско-финских землях, где население занимается земледелием, но отсутствуют на позже занятых территориях.

ЛЕМБИТ ВАБА (Таллинн)

28 августа был проведен симпозиум «Сибирь в XVIII веке». В своем вступительном слове его координатор Янош Гуя (Геттинген) отметил, что широко развернувшаяся в XVIII в. деятельность по сбору сибирских этнографических и лингвистических материалов не только обусловила существенный прогресс в гуманитарном знании своего времени, позволив, в частности, установить взаимное родство уральских языков и разрабо-

тать ряд фундаментальных принципов и приемов компаративистики. Собранные материалы имеют непреходящее значение как непосредственные источники, и можно лишь сожалеть, что значительная их часть за 200 с лишним лет так и не была введена в научный обиход, оставаясь в виде архивных рукописей. Была подчеркнута значимость международного сотрудничества при обязательном участии советских исследователей для осуществле-